

Козлов Александр Петрович

РАСКУЛАЧИВАНИЕ В КАЗАХСТАНЕ: СПЕЦИФИКА, ПОСЛЕДСТВИЯ (1929-1933 ГГ.)

В статье рассматривается политика раскулачивания в Казахстане, которая из-за этнической специфики края получила здесь название "ликвидация кулачества и байства как класса". По мнению автора, в Казахстане, как и в стране в целом, главным инструментом раскулачивания были судебные репрессии, а само раскулачивание обуславливалось, прежде всего, экономическими причинами - необходимостью формирования материальной базы колхозов. Особенностью Казахстана было также то, что в силу природно-климатических условий он стал одним из основных районов расселения раскулаченных хозяйств из центральных районов страны.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/5-1/33.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (43): в 3-х ч. Ч. I. С. 109-113. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(47)/338

Исторические науки и археология

В статье рассматривается политика раскулачивания в Казахстане, которая из-за этнической специфики края получила здесь название «ликвидация кулачества и байства как класса». По мнению автора, в Казахстане, как и в стране в целом, главным инструментом раскулачивания были судебные репрессии, а само раскулачивание обуславливалось, прежде всего, экономическими причинами – необходимостью формирования материальной базы колхозов. Особенностью Казахстана было также то, что в силу природно-климатических условий он стал одним из основных районов расселения раскулаченных хозяйств из центральных районов страны.

Ключевые слова и фразы: аул; коллективизация; колхоз; «ликвидация кулачества и байства как класса»; раскулачивание; «спецпоселенцы».

Козлов Александр Петрович, к.и.н., доцент

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
petrovich138@yandex.ru

РАСКУЛАЧИВАНИЕ В КАЗАХСТАНЕ: СПЕЦИФИКА, ПОСЛЕДСТВИЯ (1929-1933 ГГ.)[©]

Составной частью форсированной сплошной коллективизации сельского хозяйства, как известно, было раскулачивание, ставшее одной из наиболее трагических страниц истории советского крестьянства. В Казахстане политика и практика раскулачивания мало чем отличались от того, что было в стране в целом, хотя наблюдались и свои особенности, обусловленные этнической спецификой края, выражавшейся в неоднородности существовавших здесь «эксплуататорских элементов» – кулачества и байства.

В советской историографии политика раскулачивания, являвшаяся составной частью репрессивной политики государственной власти, рассматривалась фрагментарно и в рамках определенной идеологической установки, призванной доказать ее легитимность. Всплеск интереса к этой теме приходится, безусловно, на конец 1980-х – начало 1990-х гг. С тех пор по данной проблеме накоплена значительная по объему и научным достижениям литература. Вместе с тем многие вопросы раскулачивания и выселения крестьян, особенно на региональном уровне, требуют своего дальнейшего изучения.

В современной отечественной историографии дискуссионным является также вопрос о хронологических рамках политики раскулачивания, прежде всего определения ее нижней границы. Ряд историков своеобразным прологом раскулачивания считает выход специального постановления СНК СССР от 21 мая 1929 г., в котором перечислялись признаки кулацких хозяйств [7, с. 221-222]. Содержащиеся в постановлении «неточные», «расширительные», «неопределённые» признаки кулацкого хозяйства позволили якобы при переходе к сплошной коллективизации свободно трактовать понятие «кулак» и подвести под эту категорию практически любое крестьянское хозяйство [3, с. 50; 5, с. 47; 15, с. 54]. Подобную интерпретацию документа вряд ли можно считать обоснованной. Постановление СНК СССР от 21 мая 1929 г., целью которого было ограничение роста кулацких хозяйств экономическими средствами, вполне соответствовало духу нэпа. Скорее следует согласиться с мнением историков, считающих, что переход к политике раскулачивания произошел лишь осенью 1929 г., когда были внесены серьезные изменения в налоговое законодательство, позволившие создать «правовую» базу для расширения объема социального слоя «кулацких хозяйств» за счет включения в их число середняков, а порой даже бедняков [6, с. 49-50; 20, с. 196].

Как об официальной политике Советской власти публично об этом было объявлено, правда, еще позже. В декабре 1929 г. в своем выступлении на конференции аграрников-марксистов Сталин констатировал факт перехода Советской власти «от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества... к политике ликвидации кулачества как класса» [17, с. 166]. Возможность такого перехода, по мнению Сталина, объяснялась наличием «опорных пунктов в деревне, в виде широкой сети совхозов и колхозов», что позволяло «заменить капиталистическое производство кулака» [Там же, с. 167]. Говоря о «широкой сети совхозов и колхозов», Сталин, безусловно, лукавил, выдавая желаемое за действительное. Вместе с тем он не сомневался, что идея раскулачивания после поражения правой оппозиции будет с готовностью поддержана большинством партийного аппарата. Факт известного недовольства коммунистов политикой нэпа, объективно восстанавливавшей экономический порядок, против которого в свое время боролись большевики, был Сталину хорошо известен. В своем докладе XIV съезду ВКП(б) Сталин справедливо отмечал: «Если задать вопрос коммунистам, к чему больше готова партия – к тому, чтобы раздуть кулака, или к тому, чтобы этого не делать, но идти к союзу с середняком, я думаю, что из 100 коммунистов 99 скажут, что партия всего больше подготовлена к лозунгу: бей кулака. Дай только, – и мигом разденут кулака» [18, с. 337].

В своей речи на конференции аграрников-марксистов Сталин также решил судьбу раскулаченных хозяйств, закрыв им дорогу в колхозы. «Можно ли пустить кулака в колхоз?» – задавал Сталин риторический вопрос и отвечал на него отрицательно: «Конечно, нельзя его пускать в колхоз. Нельзя, так как он является заклятым врагом колхозного движения» [17, с. 170].

Специально сформированная в декабре 1929 г. для разработки мероприятий по развертыванию сплошной коллективизации комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с Я. А. Яковлевым, в состав которой были включены секретари краевых и областных партийных организаций, где Казахстан представлял Ф. И. Голощекин, рассмотрела, в частности, и проблему ликвидации кулачества. Выводы комиссии легли в основу постановления ЦК ВКП(б) от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» [12, с. 72-75].

Согласно постановлению в районах сплошной коллективизации отменялись законы об аренде земли и найме рабочей силы в единоличных крестьянских хозяйствах. Одновременно с этими мерами, по сути дела уничтожавшими социальную базу для сохранения в деревне капиталистических отношений, органам советской власти на местах предоставлялось право применять в районах сплошной коллективизации все необходимые меры борьбы с кулаками, вплоть до полной конфискации имущества и выселения их за пределы районов и областей [Там же, с. 74-75].

В целях реализации постановления ЦК ВКП(б) от 1 февраля 1930 г. ЦИК и СНК КАССР 19 февраля 1930 г. приняли постановление «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством и байством» [11, с. 279-280].

«Кулацко-байские» хозяйства были разделены на три категории. В первую категорию («контрреволюционный актив») вошли кулаки и байы, подлежащие выселению за пределы республики; во вторую («кулацкий актив, наиболее богатые полупомещики, бай-полуфеодалы») – подлежащие выселению за пределы округа, в третью («остальные кулацкие и байские хозяйства») – за пределы района [1, д. 3297, л. 28].

Раскулачивание и выселение «кулаков» и «баев» в Казахстане началось во второй половине февраля 1930 г. В первую очередь каток раскулачивания прокатился по зерновым районам, включенным в план сплошной коллективизации [10]. В общей сложности по Казахстану в районах сплошной коллективизации было намечено к ликвидации и выселению 7 667 крестьянских хозяйств [1, д. 3522, л. 6-8]. Согласно постановлению комиссии Казкрайкома 3 221 из них подлежало ликвидации к лету 1930 г., в том числе по первой категории – 1 065, по второй – 1 250, по третьей – 906 хозяйств [Там же, д. 3521, л. 47-48].

Учету подлежали также «самораскулачившиеся» хозяйства, попадавшие в разряд кулацких по состоянию на 1 мая 1929 г., а также «кулаки, прибывшие из других округов и районов, даже если их хозяйство и не носит кулацких признаков» [14, д. 207, л. 2-3]. Таким образом, к кулацкому хозяйству могло быть отнесено практически любое крестьянское хозяйство, в зависимости от воли лиц и организаций, проводивших учет [4, с. 295-296]. На практике так оно чаще всего и происходило. Анализ архивных документов показывает, что в некоторых округах и районах Казахстана списки подлежащих раскулачиванию хозяйств иногда рассматривались по несколько раз. В списках одно и то же хозяйство определялось то «кулацким», то «середняцким» [1, д. 3521, л. 6-12, 47-69, д. 3522, л. 8-10].

К проведению кампании «ликвидации кулачества и байства как класса» в различных округах Казахстана готовились по-разному, но везде с особенной тщательностью, как к операции военного времени. Петропавловский окружной комитет партии, к примеру, постановил для ведения борьбы «со всякими контрреволюционными попытками кулачества и байства и прочими враждебными силами против мероприятий партии и Соввласти» создать в округе вооруженные подразделения для помощи в работе органам ОГПУ, «организовав для этой цели в каждом районе отряды из коммунистов и комсомольцев, снабдив их оружием и боеприпасами из запасов окружного военкомата» [14, д. 207, л. 12]. Чтобы не допустить возможного переезда намеченных к ликвидации хозяйств, окружком издал распоряжение, запрещавшее продажу крестьянам билетов на всех железнодорожных станциях округа без соответствующего разрешения РИКов [Там же, л. 13].

На практике субъективно установленные «плановые задания» ликвидации кулацких хозяйств чаще всего перевыполнялись. Наряду с кулацкими хозяйствами «экспроприациям» сплошь и рядом подвергались зажиточные, середняцкие, а порой даже и бедняцкие хозяйства [1, д. 439, л. 34].

В соответствии с существовавшими инструкциями экспроприация хозяйств «кулаков» и «баев», относящихся ко второй и третьей категориям, должна была происходить по постановлениям бедняцко-середняцких и колхозных собраний. На этих собраниях следовало составить и обсудить списки с характеристикой «кулаков» и «баев», подлежащих выселению, которые затем после утверждения сельсовета должны были вноситься на утверждение райисполкома и на окончательную санкцию окрисполкома [14, д. 207, л. 11]. На практике столь громоздкой процедуры, как правило, не придерживались. Так, например, в станице Боголюбовской Ворошиловского района Петропавловского округа уполномоченный райисполкома Кирилов созвал совещание партийно-советского актива, тут же наметил кандидатов на раскулачивание и приказал немедленно той же ночью «ликвидировать кулака как класс». Приказ был выполнен быстро: раскулачивали без особого разбора все более или менее зажиточные хозяйства, «забирали всё, вплоть до нижнего белья, а раскулаченных выбрасывали на улицу». «Раскулаченные» пытались найти приют у односельчан, однако последним было заявлено, что тех, кто будет оказывать помощь ликвидированным хозяйствам, «постигнет та же участь». В результате собрание завершилось записью в колхоз всех, за исключением «классово чуждых» [19, д. 439, л. 47].

Согласно инструкции ЦИК и СНК КАССР, у раскулачиваемых хозяйств первой категории конфискации подлежали все средства производства и имущество. Им оставляли лишь самое необходимое из предметов домашнего обихода, продовольствие на два месяца и 500 рублей денег на хозяйство. У второй и третьей категорий конфискации подлежало также практически все имущество и основная часть средств производства, за исключением минимума сельскохозяйственных орудий и инвентаря, необходимых для ведения

земледельческого хозяйства [14, д. 207, л. 12]. Однако на практике даже эти минимальные меры поддержки жизнедеятельности раскулаченных хозяйств не соблюдались. Со всех районов в Казкрайком ВКП(б) поступали жалобы, что необходимый производственный и продовольственный минимум раскулаченным хозяйствам не выдается, что конфискуется всё, включая предметы личного обихода [1, д. 3521, л. 77-80]. В районах, охваченных раскулачиванием, широко процветало мародерство. Так, например, из станицы Становой Трудового района Петропавловского округа сообщали, что «при проведении конфискации отбиралось все, причем описи не составлялось... секретарь кандидатской группы ВКП(б) Васильев собственными руками вынул у гражданки Синюковой золотые серьги из ушей» [19, д. 439, л. 47].

Ликвидация кулацко-байских хозяйств первой и второй категорий и их выселение были в основном завершены в районах сплошной коллективизации в Казахстане к концу 1930 г., а к маю 1932 г. завершилось выселение и «хозяйственно-бытовое устройство» кулаков и баев третьей категории. Таким образом, к лету 1932 г. с последними «эксплуататорскими классами» в деревне и ауле Казахстана было покончено. Однако раскулачивание не закончилось в 1932 г., рецидивы раскулачивания имели место и в последующее время. Характер раскулачивания, однако, изменился. Теперь, после коллективизации основной массы крестьянства деревни и аула, волна репрессий обрушилась на колхозы. Во всех зерновых районах стали создаваться специальные комиссии для руководства работой по чистке колхозов от «кулацко-байских элементов», которые подлежали разоблачению, изгнанию из колхозов и выселению с конфискацией имущества [Там же, д. 642, л. 2]. Начиная с 1933 г. руководство раскулачиванием было возложено на созданные по решению январского объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) политотделы МТС [12, с. 82-85]. Политотделы работали очень «эффективно». Уже к первой половине 1933 г. политотделами МТС в районах сплошной коллективизации было выявлено 2 487 «кулаков, баев и их приспешников, втихомолку пролезших в колхозы» [2, с. 22].

Суровые климатические условия, низкая плотность населения и наличие свободных земель являлись, по мнению сталинского репрессивного аппарата, благоприятными факторами, превратившими Казахстан в один из основных районов расселения раскулаченных хозяйств. В соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» в Казахстан предполагалось выселить от 20 до 25 тыс. «кулацких» семей [1, д. 5043, л. 85-87].

Расселение «спецпоселенцев» осуществлялось по строгим правилам, предусмотренным постановлением Наркозема РСФСР «О местах поселения кулацких хозяйств, выселенных из районов сплошной коллективизации», которое регламентировало все, вплоть до ширины улиц в поселках и перечня обязательных «культурно-общественных построек» [Там же, д. 3297, л. 23]. Условия жизни в поселках были невыносимо тяжелыми. Основным занятием «спецпоселенцев» являлось сельское хозяйство. Для организации производства в поселках создавались так называемые «неуставные сельхозартели». Специальные инструкции требовали, чтобы труд в поселениях оплачивался в пределах 50% от нормальных расценок, а выдача хлеба и других продуктов производилась в половинном размере нормы. Невыполнение плановых заданий грозило «спецпоселенцам» различного рода взысканиями [Там же, д. 3521, л. 91]. Тяжелый физический труд и скудное питание подтачивали силы людей, являлись причиной высокой смертности. Так, например, в трудпоселке № 54 Шортандинского района Карагандинской области только в течение 8 месяцев (с мая по декабрь 1933 г.) умерло 575 человек [Там же, д. 8119, л. 12].

Политика «ликвидации кулачества и байства как класса» была, таким образом, обусловлена не стремлением покончить с «ненавистной эксплуатацией», а другими причинами, главной из которых, безусловно, являлась потребность вновь возникших колхозов в материальных средствах производства. Простое сложение крестьянского инвентаря не могло дать значительного экономического эффекта, так как в колхозы вступали в первую очередь бедняцкие и маломощные середняцкие хозяйства. Поэтому главным источником формирования материальной базы колхозов были в первую очередь средства производства и имущество раскулаченных крестьян деревни и аула.

МТС также не могли обеспечить многочисленные колхозы тракторами и другой сельскохозяйственной техникой. К весне 1932 г. в целом по республике тракторный парк состоял из 1 626 тракторов, количество которых было явно недостаточным, и основные сельскохозяйственные работы по-прежнему выполнялись с применением тягловой силы лошадей и волов [13, с. 18].

К тому же МТС хотя и поднимали производительность труда в сельском хозяйстве (в зоне их действия, в частности, расширялись посевные площади), создавали вместе с тем другую проблему – отчуждение непосредственных производителей от средств производства. Работы, выполненные в колхозах при содействии МТС, часто оказывались неэффективными. МТС, как правило, привлекались лишь к сезонным работам и зачастую выполняли их формально. Так, например, весной 1931 г. в Петропавловском округе время сева по некоторым МТС растянулось до двух месяцев. В результате семена, засеянные в конце мая – начале июня, в большинстве случаев не взошли [Там же, с. 19].

Таким образом, раскулачивание не осуществлялось на основе сплошной коллективизации, а скорее предшествовало ей. Без раскулачивания форсированная сплошная коллективизация вряд ли бы состоялась. Важнейшим источником формирования колхозной собственности являлись средства производства и имущество, конфискованные у раскулаченных крестьян. По-видимому, неслучайно стандартная формулировка «с конфискацией имущества и переселением» фигурировала во всех инструкциях и постановлениях, принятых в связи с политикой раскулачивания. Указанная мера была обязательной для всех категорий раскулачиваемых хозяйств [1, д. 3297, л. 28-29].

Экспроприации крупных хозяйств имели место в Казахстане и раньше, например в 1928-1929 гг. – в период конфискации хозяйств крупных «баев-полуфеодалов» [9]. Но если тогда раздел «байского» имущества происходил преимущественно между единоличными бедняцкими хозяйствами, то теперь конфискованные у «кулаков» и «баев» средства производства, имущество и запасы продуктов сельскохозяйственного производства передавались в неделимые фонды колхозов в качестве вступительных взносов бедняков и батраков. Экспроприированные жилищные постройки использовались на «общественные нужды сельсоветов и колхозов (клубы, избы-читальни, школы и др.)» или в качестве общежитий для вступающих в колхозы крестьян. Ответственность за сохранность конфискованного имущества возлагалась на местные советы [11, с. 280].

Согласно официальным данным, только к середине 1930 г. колхозы Казахстана за счет экспроприаций получили средств производства на сумму, эквивалентную 5 489,1 тыс. рублей. Их доля в неделимых фондах колхозов, по официальным данным, составляла более 25% стоимости колхозного имущества [8, с. 241].

Кроме того, жесткая репрессивная политика по отношению к крестьянам, не желавшим идти в колхоз, пытавшимся «отсидеться» в своих единоличных хозяйствах, была хорошим стимулом для «пробуждения» у них чувства коллективизма, так как в любой момент их можно было записать в разряд «подкулачников». Неправильно, на наш взгляд, возлагать вину за проведение политики раскулачивания лишь на Сталина и его окружение. Сталин сам в какой-то степени оказался заложником марксистской доктрины или, во всяком случае, смог использовать ее для решения текущих социально-экономических задач. Именно марксистско-ленинское учение о классах и классовой борьбе стало идеологической основой раскулачивания, было использовано Сталиным для обоснования необходимости «нового решительного наступления на капиталистические элементы города и деревни» [17, с. 171].

Социальная структура деревни и аула в результате коллективизации и раскулачивания коренным образом изменилась. Крестьянство из класса мелких собственников, ведущих индивидуальное хозяйство на своей земле, превратилось к середине 1930-х гг. в подневольных работников колхозов и совхозов, значительная часть которых, во всяком случае в Казахстане, относилась к числу «спецпоселенцев», фактически лишенных всякой собственности и вынужденных за бесценок продавать свой труд государству.

Список литературы

1. **Архив Президента Республики Казахстан (АПРК).** Ф. 141. Оп. 1.
2. **VIII Всеказахстанская краевая конференция ВКП(б). 8-16 января 1934 г.:** стенографический отчет. Алма-Ата: Казкрайком ВКП(б), 1935. 404 с.
3. **Гербер О. А.** «Раскулачивание» немецкой деревни в Сибири: этапы и особенности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6. Ч. 2. С. 50-65.
4. **Голошекин Ф. И.** Казахстан в социалистической стройке // Партийное строительство в Казахстане: сборник речей и статей (1925-1930 гг.). М. – Алма-Ата: Государственное издательство РСФСР, 1930. С. 260-344.
5. **Гущин Н. Я.** «Раскулачивание» в Сибири (1928-1934 гг.): методы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск: ЭКОР, 1996. 160 с.
6. **Доброноженко Г. Ф.** Нормативно-правовая база судебных репрессий при проведении политики «ликвидации кулачества как класса» (первая половина 1930 г.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4. Ч. 1. С. 49-54.
7. **Документы свидетельствуют: из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927-1932 гг.** / под ред. В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого. М.: Политиздат, 1989. 526 с.
8. **Ивницкий Н. А.** Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929-1932 гг.). М.: Наука, 1972. 360 с.
9. **Козлов В. М.** Социально-экономические преобразования в казахском доколхозном ауле второй половины 1920-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26). Ч. I. С. 118-122.
10. **Козлов А. П.** Сплошная коллективизация в зерновых районах Казахстана (1929-1932 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1. Ч. I. С. 101-104.
11. **Коллективизация сельского хозяйства Казахстана (1926 – июнь 1941 гг.):** документы и материалы / под ред. А. Б. Турсунбаева. Алма-Ата: Казахстан, 1967. Ч. 1. 576 с.
12. **Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.** М.: Политиздат, 1984. Т. 5. 446 с.
13. **Починковский Л.** МТС в Казахстане // Народное хозяйство Казахстана. 1932. № 5. С. 18-26.
14. **Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).** Ф. 17. Оп. 25.
15. **Самосудов В. М.** Современная отечественная историография коллективизации (1980-е – середина 1990-х гг.). Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. 141 с.
16. **Семенов А. В.** Осуществление политики раскулачивания и выселения кулацких семей на территории Кировской области в 1929-1934 гг.: автореф. дисс. ... к.и.н. Киров, 2003. 21 с.
17. **Сталин И. В.** К вопросам аграрной политики в СССР: речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. // Сталин И. В. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. Т. 12. С. 141-172.
18. **Сталин И. В.** Политический отчет Центрального Комитета XIV съезду ВКП(б). 18 дек. 1925 г. // Сталин И. В. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. Т. 7. С. 261-352.
19. **Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК).** Ф. 247. Оп. 1.
20. **Цубикова Л. С.** Раскулачивание в Восточной Сибири в начале 1930-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 7. Ч. I. С. 196-200.

DISPOSSESSION OF THE KULAKS IN KAZAKHSTAN: SPECIFICS AND CONSEQUENCES (1929-1933)

Kozlov Aleksandr Petrovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Saint-Petersburg State University of Economics and Finance
petrovich138@yandex.ru

The article considers the policy of the dispossession of the kulaks in Kazakhstan, which, because of the ethnic specifics of the region, was called the “liquidation of the kulaks and bais as a social group”. In the author’s opinion, in Kazakhstan, as in the country on the whole, the basic methods for the dispossession of the kulaks were prosecutorial repressions, and the dispossession of the kulaks as itself was conditioned, first of all, by economic reasons – the necessity for the formation of the material resources of collective farms. The specifics of Kazakhstan also presupposed that due to its natural and climatic conditions it became one of the basic regions for settling dispossessed households from the central regions of the country.

Key words and phrases: aul; collectivization; collective farm; “liquidation of the kulaks and bais as a social group”; dispossession of the kulaks; “special settlers”.

УДК 1(091)

Философские науки

Поведена историко-философская реконструкция и систематизация идей философов Нового времени о способах взаимодействия с хаосом. Аргументируется, что в эпоху Нового времени впервые в истории философской мысли был поставлен вопрос о методе взаимодействия человека с хаосом. Установлено, что в философии Нового времени существовало три основных подхода к идее взаимодействия человека с хаосом – подход упорядочения хаоса, подход поиска средств защиты от хаоса, а также подход, представители которого искали возможности предотвращения хаоса.

Ключевые слова и фразы: хаос; Новое время; история философии; метод; порядок.

Кулик Александр Викторович, к. филос. н., доцент
Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, Украина
al.v.kulik@gmail.com

ИДЕИ ФИЛОСОФОВ НОВОГО ВРЕМЕНИ О СПОСОБАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ХАОСОМ[©]

Исследовательской проблемой, по причине которой была написана данная статья, явилась нерешённость в научной литературе вопроса о содержании учений философов Нового времени о взаимодействии с хаосом. Проведение данного научного исследования нам представляется актуальным в силу того, что современные дискуссии о хаосе берут своё начало именно в философии Нового времени, в которой были пересмотрены античные и средневековые представления о должном отношении к хаосу. Изучив генезис современных идей о способах взаимодействия с хаосом, можно более глубоко понять суть философских споров XXI века о хаосе и попытках его преодоления.

Тема представлений различных мыслителей Нового времени о хаосе затрагивалась в работах таких исследователей, как В. Асмус [1], А. Горбунов [8], Ж. Делёз [10], А. Лосев [16], Т. Ойзерман [19], В. Рабинович [21] и др. Однако эти авторы не изучали представления о взаимодействии с хаосом и, соответственно, не предпринимали попытки их систематизации.

Цель данного научного исследования – историко-философская реконструкция и систематизация идей философов Нового времени о способах взаимодействия с хаосом.

Если многие средневековые авторы (например, Боэций, Иоанн Дунс Скот) считали возможным называть абсурдными утверждения о существовании хаоса, то в философии Нового времени тема хаоса уже отнюдь не маргинальна, а пользуется вниманием многих мыслителей. Собственно говоря, интерес к теме хаоса проявился уже в работах мыслителей Возрождения, а в эпоху Нового времени он стал ещё более заметным. Теперь недостатком стало считаться отсутствие у философа представлений о хаосе. Так, Френсис Бэкон писал: «Всякая философия, которая строит систему мира, настолько уравновешенную и прочную, что может быть отброшена мысль о её возникновении из хаоса, — всякая такая философия кажется легковесной и является плодом душевной ограниченности» [5, с. 336]. В Новое время о хаосе начинают говорить не единицы, как это было в Средневековье, а десятки авторов самых различных взглядов и убеждений – от Декарта [9, с. 41] до Джона Донна [11, с. 178].

Хотя среди мыслителей Нового времени и встречаются философы, которые отзываются о хаосе с благоговением (Я. Бёме [3, с. 188]) или учат об идеях гармонизации хаоса (Ф. Бэкон), или же говорят о неизбежности хаоса для человека (Б. Паскаль [20, с. 110]), однако доминирующей является позиция отторжения хаоса. Вовсе не случайно в составленном Э. Тезауро пространном списке «сущностей, наводящих ужас», хаос